

Мы уже много писали о заседании Федеральной резервной системы (ФРС) США, на котором фактически не было принято никакое решение. Аналогичная ситуация сложилась и на последнем заседании G20, которое состоялось в мае, не обсуждались никакие решения и на предыдущих заседаниях G8 и G20…

Ну, хорошо, встречи разных G во многом являются пропагандистскими мероприятиями, и на них, по определению, могут быть приняты только «окончательные» решения, а реальное обсуждение проблем делается до них. Но ФРС-то — это инструмент, в том числе, и оперативного управления! Как они-то себе могут позволить в явно критической ситуации не принимать никаких решений?

Ответ здесь лежит не в специфике ФРС как управленческой структуры, а, скорее, в особенностях элитных отношений. Если государство достаточно долго находилось в стабильном, устойчивом состоянии, когда механизмы развития работали без перебоев, имея достаточное количество ресурсов, то и внутри элиты общества устанавливаются устойчивые отношения, в том числе и по перераспределению тех доходов, которые они получают в рамках своего функционирования. Именно под эти стабильные условия подстраиваются все процедуры решения внутриэлитных споров и даже собственно язык описания действительности.

В нашем конкретном случае модель экономического развития Запада не менялась с 1981 года, основными элитными «бенефициарами» системы развития (основанной на эмиссии денег) стали банки и другие финансовые институты, а «языком» описания мира стал «монетаризм» (максимально широко понимаемый), то есть подход, основанный на идее о том, что экономикой можно управлять исключительно денежным предложением. Такая концепция была вполне естественна в рамках действующей в этот момент системы развития экономики (и, естественно, отвечала интересам, прежде всего, банковской элиты, которая и была главным бенефициаром этой системы), но как только экономические механизмы стали «сбоить», начались проблемы.

Первой из них стал вопрос об ответственности банков по кредитованию населения. Конфликт президента США Обамы и руководства крупнейших банков (настолько острый,

что некоторые из них позволили себе не приехать в Белый дом на встречу с президентом) формально был вызван отказом последних кредитовать население, что снижает объем совокупного спроса. Банки предъявили свою аргументацию (типа, «не отдадут»), но реальная подоплека событий лежала глубже.

Дело в том, что доля финансового сектора в общей прибыли корпораций выросла за последние 30 лет в два с лишним раза — с примерно 20% до 50-ти. То есть, иными словами, совокупный общественный пирог за эти 30 лет принципиально перераспределился в пользу тех, кто преимущественно обеспечивал эти годы процессы экономического развития. И пока эти процессы проходили достаточно успешно, пока вся элита и даже значительная часть общества свое потребление наращивали, все было хорошо. Но когда начался кризис, появились вопросы. Точнее, один вопрос: справедливо ли то, что финансисты (на самом деле, не только они, просто финансисты и особенно банкиры наиболее не виду) продолжают получать ту увеличенную долю общественного пирога, которую они «заработали» в условиях действия уже старой модели развития, если сама эта модель уже свое действие фактически прекратила?

Собственно, вопрос «справедливо» или «не справедливо» будет решаться закрыто от общества, в рамках чисто элитных «разборок». Но процесс этот общество увидит как наблюдатель, как только он реально начнется. Более того, пока он не начнется, не начнется и выход из кризиса, поскольку последний невозможен без принципиального изменения внутриэлитных лидеров. Но сегодня этого изменения явно не наблюдается, пока только задаются вопросы. Почему?

Да очень просто! Для того, чтобы искать выход из проблем, нужно бы вначале сформулировать сами проблемы. Но язык этого описания существует уже более 30 лет, на нем были выучены практически все специалисты, которые сегодня работают, и этот язык описывает реальность исключительно в рамках старой экономической модели! Он «видит» только циклические кризисы, из которых можно выйти за счет изменения денежной политики, то есть без изменения экономической модели. Соответственно, ее лидеры, ее бенефициары не изменятся, и элитные и социально-политические процессы не претерпят принципиальных изменений!

Повторим еще раз, поскольку это принципиально важно: современный экономический язык «заострен» под нынешнее распределение ролей в «западной» элите и не предполагает процессов, которые требуют изменения этих пропорций, в частности, ослабление роли финансовой элиты. Разумеется, в явном виде этот факт там не прописан, но, тем не менее, его можно увидеть, поскольку он (язык) предполагает, что все реальные проблемы можно и необходимо решать за счет изменения денежной политики, то есть действий исключительно финансовой
элиты.
Но современный-то кризис не циклический, не монетаристский, он – структурный. Он требует принципиальных изменений пропорций в экономике, в частности – существенного, более сильного, чем реальный сектор, сокращений сектора финансового. Если реальный сектор по итогам этого кризиса может сократиться на 35-40% (это, разумеется, оценка), то финансовый – в 3–5 раз! Уже это показывает, что

описать этот кризис монетаристская теория не может, не говоря уже о выходе из него.

Ну, а дальше все понятно. Если невозможно описать проблемы, то невозможно и сформулировать, что делать. Более того, поскольку межэлитные отношения установились за 30 лет достаточно прочно, то и нарушить их без очень серьезных оснований невозможно – а оснований нет, для этого нужно радикально изменить язык описания процессов, а это дело долгое, это годы, если не десятилетия. И, как следствие, несмотря на развитие кризиса, реакции на него нет: у элиты нет веских оснований выходить из внутреннего равновесия, а масштаб кризиса еще не достиг тех величин, когда такие решения принимаются волевым порядком, в нарушение устоявшихся процедур.

Иными словами, ситуация в некотором смысле, безнадежная. Слишком долго мир жил в рамках стабильных условий, слишком устоялись правила, принятые в рамках этих условий. И само сохранение этих правил стало самодавлеющим фактором – более важным, чем начинающийся кризис. И так будет продолжаться еще долго – пока кризис не начнет впрямую разрушать социально-политическую структуру современного общества.

Источник: Fintimes.km.ru